

Снова. Тихий шорох босых ног по земле. Сначала он подумал – кролик, мелкое животное, – но нет. Такое не преследовало бы их, а разбежалось бы. Обменявшись с товарищами взглядом, он увидел в их глазах то же самое – за ними следят. Кто же мог преследовать рейнджеров в пустыне? Врагов хватало: орки, бандиты, прочие злодеи. Но никто из них не таился бы в тени, не нападая. Значит, трусливое существо, ждущее ночи, чтобы напасть. Или шпион. Пройдя еще десять минут в молчаливом напряжении, они достигли поляны, и он подал знак остановиться. Ночь надвигалась, и здесь они должны были провести ее. Обычно лагерь разбивали под кронами деревьев, но сейчас лучше было не закрывать обзор. Разбив лагерь посреди поляны, они смогут видеть всех, кто попытается подойти. — Никаких дозоров сегодня, — пробормотал он. Им не нужны были объяснения – они понимали. Никто не будет стоять на страже, чтобы выманить преследующее их существо. Но и спать по-настоящему никто не станет: всю ночь они будут настороже. Гарри почувствовал облегчение, когда люди, за которыми он следовал, наконец остановились. Он наблюдал, как они разбивают лагерь на небольшой поляне, и неохотно отвел взгляд, чтобы найти место для отдыха. Ему хотелось оставаться рядом, но он немного боялся, что они наткнутся на него ночью, когда он будет спать и наиболее уязвим. Под очень большим кустом, где можно было легко проползти, он нашел идеальное место. Сброшенные листья стали приятной постелью. Там он, наконец, поддался изнеможению и провалился в глубокий, спокойный сон. Когда он проснулся на следующее утро, солнце уже лениво поднималось в небо. Выбравшись из своего укрытия, он подошел к поляне. Взгляд его скользнул по лагерю мужчин. Сердце упало, тело оцепенело – они ушли. Голова закружилась от осознания этого. Он потерял их. — Нет... — прошептал он, не веря своим глазам. — Они не могут уйти, — твердил он себе, как ребенок, отрицая очевидное. Он закрыл глаза и снова открыл их, желая, чтобы на этот раз все было иначе. Но увидел то же самое. Ни людей, ни лошадей, ни лагеря. Снова совершенно один. Он сжал свою морскую раковину, чувствуя жжение в глазах. — Это глупо, — сурово сказал он себе. — Я могу выглядеть как ребенок, но не обязан вести себя как ребенок. Но, несмотря на яростные попытки подавить детскую реакцию, он ничего не мог с собой поделать. Снова один в этом странном, незнакомом мире. Один, вдали от любых признаков жизни, и он позволил единственным людям, которых видел, ускользнуть от себя. — Я не буду плакать, — с отвращением подумал он. И все равно не смог сдержать слез. Ночью не было никаких тревог. Ни необычных звуков, ни попыток нападения или кражи. Но даже в этом случае он не мог отмахнуться от звуков, которые они слышали накануне, как от пустяка. Инстинкт, отточенный годами скитаний по диким местам, подсказывал ему, что это было не его воображение. Они собрали лагерь, следя за движением деревьев. Ничто не привлекло их внимания. Он кивнул своим друзьям. Они продолжают путь. И не будут терять бдительность. Потому что, как и все рейнджеры, он научился доверять своим инстинктам. Гарри было стыдно признаться, что ему потребовалось по меньшей мере десять минут, чтобы сдержать поток слез. Он не мог вспомнить, когда в последний раз позволял себе плакать и предаваться жалости к себе. Другим десять минут могли показаться не таким уж долгим временем, чтобы взять себя в руки. Но для Гарри это было так. Он уже давно понял, что нет смысла плакать или отчаиваться из-за того, что с ним случилось. Он встал, пытаясь стряхнуть последние остатки безнадежности. — Я гриффиндорец. Я сражался с троллем в дамской комнате, Василиском в Тайной комнате и самим Волдемортом несколько раз. Я так просто не сдамся, — решительно сказал он себе. И хотя его небольшая мысленная подбадривающая речь на самом деле не заставила его почувствовать себя увереннее в этом мире, он все же пошел в направлении, которое, как он мог ясно определить по отпечаткам копыт, в котором ушли мужчины. Это был долгий-предолгий день, и, в отличие от предыдущих, в нем не было ни смеха, ни игр. Гарри ходил пешком, трусцой, а иногда даже бежал, прежде чем уставал и снова шел пешком. Он ел только в тот единственный раз, когда мог отчетливо разглядеть куст ягод с тропы, отказываясь покидать ее, чтобы поискать еду в лесу. Он был совершенно измотан и ничего так сильно не хотел, как свернуться где-нибудь в клубочек и погрязнуть в своих страданиях. Но он этого не сделал. Он не стал бы. Он изо всех сил пытался бороться с силами,

чтобы идти дальше. Он просто очень устал и проголодался...И все же он нашел в себе силы. Упрямство, которое и помогало, и мешало ему на протяжении всей его жизни, на этот раз было на его стороне. Оно тянуло его дальше по рельсам. Пока, наконец, ему не показалось, что он слышит звук голосов. Мгновение он стоял неподвижно, напрягая слух, пытаясь снова уловить звук, но не было ничего, кроме шелеста деревьев и чириканья птиц. — Нет... — взмолился Гарри, отчаянно желая, чтобы звук повторился. — Пожалуйста, пусть это не было плодом моего воображения. Долгое мгновение он прислушивался, отчаянно ища хоть какой-нибудь признак того, что он больше не один. Но лес оставался тихим, и он почти в конце концов поддался желанию упасть там, где стоял, и сдаться. Он покачал головой, чувствуя, как к глазам снова подступают слезы. — Нет! — закричал он, наконец-то дав волю своему отчаянию. Он бросился бежать, отчаянно желая выбраться из этого забытого богом леса, в котором он был проклят быть совершенно один. Он бежал, несмотря на крайнюю усталость, подпитываемый отчаянием. Ему просто нужно было каким-то образом найти их снова. Он больше не хотел быть единственным человеком в этом мире. — Почему? Почему я позволил им уйти? — Он был в отчаянии. Они были единственными людьми, которых он видел в этом мире, и теперь, когда они ушли, он снова остался один. Слезы, словно горькие жемчужины, катились по его щекам, не находя выхода в столах или рыданиях. Отчаяние, как волна, увлекло его за собой, не оставляя места для рассуждений. Он не заметил, как деревья вокруг него поредели, как будто лес сам отступил перед его скорбью. Не услышал и тихий звук фыркающей лошади, доносившийся издали. Выйдя из леса, окутанный туманом из слез, страха и отчаяния, он несколько мгновений стоял, как вкопанный, не в силах сдвинуться с места. Только тогда, когда туман немного рассеялся, он увидел перед собой небольшую группу людей и лошадей, в чье поле зрения он ворвался слепо и неумело.